

Грохот, шум, хлопки — Чао! Чаааао! — я открываю дверь на балкон и тоже начинаю хлопать. Мужчина в полосатой пижаме машет мне: улица такая узкая, что кажется, он сейчас протянет мне бокал вина.

— Готовы? — кричит мой сосед по диагонали, чьи громкие разговоры о поставках я вынужденно подслушиваю, когда он стоит у своего окна, а я — у своего.

— Siiiii, — отзываются голоса напротив. Я поворачиваю голову, но мне видны лишь руки в окне.

Что-то перелетает по воздуху через улицу. Руки ловят его — и через мгновение отправляют назад. Тук! Салатовый теннисный мячик упруго стукнулся о стену между окнами и полетел вниз. Несколько раз отскочил от брусчатки, покатился и замер посреди пустой улицы.

Мои соседи по диагонали хохочут и приносят второй. Но он остается в их руках: все

звуки пропадают — и воздух пронзает только один, очень громкий:

— Ninoninoninoninoninoninonino!

Это ревет, проносясь по проспекту, машина скорой помощи. За ней, через минуту, другая. Вряд ли медики слышали, как мы аплодировали им. Может быть, через неделю-вторую, когда они придут домой, они прочтут об этом.

Как моторные лодки в море, их машины толкают волну воздуха — и до нас доносится не только сирена, но и запах магнолии, распустившейся в трех перекрестках от дома. Так я узнаю, что наступила весна.

Я снимаю здесь квартиру с февраля. Через улицу от меня, двумя этажами выше выше живет пара, и иногда девушка с длинными черными волосами читает у окна, сидя в разноцветном маленьком кресле. Слева и этажом ниже — двое красивых стариков. У них длинный балкон на три окна с целым парком: и пихтой, и оливой, и цветами. Он выходит их поливать в алой рубашке, и мне видна старая лысина в пятнышках на коже. Чуть дальше от них — две женщины, кажется, мама и дочь. В 17:07 они выносят колонку и включают на всю улицу «I will survive». Итальянцы и на карантине опаздывают.

— Ты что, одна живешь? — спрашивает, смотря на меня в упор, мужчина в пижаме.

Я чувствую, как напрягся мой лоб, как сморщилась на нем кожа от вскинутых бровей.

Безопасно ли отвечать, если он живет так близко? Почему сразу такой личный вопрос? Какого черта он ко мне на ты?

Во Франции, откуда я переехала, такое неприемливо. Грубо. Невежливо.

А в Италии?

На моем компьютере пять языковых раскладок — и иногда можно попасть не на ту. И внутри у меня теперь столько же: белорусская, русская, французская, английская, итальянская. Но кнопки, бывает, залипают.

Японские и китайские художники учатся так: сначала тренируются у мастера, изучают инструменты и материалы, упражняются в технике. А после уходят странствовать.

Правда, это не означает, что они ходят по своей стране с мольбертом и зарисовывают увиденное. Нет, они бродят, делая иную работу. Они набираются впечатлений.

Почему-то японские художники не ценят картины, где пейзаж точь-в-точь как настоящий. Но они ценят кое-что другое.

Правда же, что, глядя на японскую картину, вы в секунду чувствуете: Япония. Не важно, бывали ли вы в этой стране. Даже если и бывали — нигде в ней не найдете вы этого пейзажа. Но всюду ощутите общее чувство Японии.

Японский мастер рисует, вернувшись из странствования, по памяти. Поэтому и перспективы в его картине не найти: в ней есть

лишь объем. Взгляд каждого, кто разглядывает эти мост, реку, гору, дерево, рыбака, будто переплывает полотно и видит одновременно из многих точек. Мы стоим перед картиной, а глаза наши — путешествуют.

Издатель сказал мне: напиши книгу об эмиграции. И я начинаю компоновать в одном тексте впечатления и воспоминания,

точно так же связывая их не перспективой, а объемом.

Поэтому, читая эту книгу, вы будете попадать то во Францию, то в Италию, то в Беларусь, то снова во Францию, то в СССР.

И, возможно, вы согласитесь, что то общее чувство встречи с Другим, которое так обостряется в эмиграции, знакомо вам, где бы вы ни жили.

Французская вежливость: четыре варианта

Из четырех вариантов выберите тот, который считаете подходящим:

А. Отправьте мне обещанные документы, пожалуйста.

В. Не могли бы вы отправить мне обещанные документы?

С. Не могли бы вы быть, пожалуйста, настолько любезны, чтобы отправить мне обещанные документы?

Д. Я была бы признательна вам, если бы вы отправили мне документы, когда у вас появится такая возможность. Я прошу вас принять, мадам, месье, заверения в моем сердечном уважении.

Я хихикаю, читая последний вариант, и Мари Клод — худая пожилая француженка в серой шелковой блузке — тоже смеется. Мы стараемся не слишком шуметь, ведь за другими

партами занимаются такие же, как я, эмигранты с волонтерами пенсионерами, решившими помогать иностранцам учить французский. Даже спиц, сквозь шерсть которого пропускают перстни моего преподавателя, как будто поставлен на mute.

Я поглядываю на своих соседей, гадая, у кого занятия интереснее, интенсивнее — и быстро обвожу карандашом первый вариант. Но Мари Клод не произносит: «следующий», а только молчит. Я уже знаю, что это значит.

— Почему нет? — спрашиваю я.

— Это слишком прямо. Грубо, если хочешь.

А по-русски достаточно вежливо, — думаю я. И что значит «грубо, если хочешь»? Но нет времени разбираться, тем более, что я еще не могу спросить об этом по-французски.

— Тогда второй вариант.

Мари Клод тихо смотрит в сторону.

— Неужели третий?

В одном я уверена: что точно не последний, ведь «заверения в сердечном уважении» — это сарказм.

— Экатерина, — с ударением на конечную «а», — а что тебе не нравится в четвертом?

То, что трехэтажный светло-сиреневый парик из семнадцатого века в этом пятиэтажном культурном центре нелепо смотрится, — хотела бы я ответить, если бы умела строить такие предложения по-французски.

— Это как раз в меру, — продолжает Мари Клод. — Как ты можешь не чувствовать? Просто послушай, как все на своих местах. Иначе ты говоришь, как... — она оглядывается по сторонам: все заняты и не слышат — потом смотрит на меня своими чуть мыльными от возраста глазами, — как негритенок.

Кем только я ни чувствовала себя во Франции, но негритенком — впервые. Тем более, в зале, полном эмигрантов из Африки. Тем более, в эпоху, когда даже старинное пирожное «голова негра» переименовано в «шоколадную голову». И как доверительно она сказала это, даже не разбудив своего шпица? Одними губами.

Но сейчас моя задача — загрузить в себя эти данные, установить обновленную версию программы вежливости и не забыть, что семидесятилетнюю Мари Клод я при этом должна

называть на «ты», а не на «вы». Я вывожу «...заверения в сердечном» и двигаюсь к следующему вопросу.

Знаете эту ситуацию, когда кнопка в новом приборе сначала нажимается с трудом, туго, и только после того, как разработаешь ее — смягчается? В эмиграции обростаешь такими кнопками, но все они сначала очень туго переключаются.

Как сделать их мягче? Мой способ — влюбиться в новый режим.

Поэтому, идя с урока домой, я флиртую с этой деликатностью, многоступенчатой вежливостью, раскланиваниями. Заучиваю заклинания, открывающие французские двери.

Вот мы одновременно приближаемся к моему дому: я и мусорная машина. С ее подножки спархивает пара молодых мужчин: у них прямые сильные спины, загорелые лица и улыбка. Один из них подмигивает мне:

— Bonjour!

Page 404 not found. Внутренний поиск не дает результатов. Поломанная строчка кода:

Почему он не пьяный?

И не бедный.

Почему он стоит, как король, и держится увереннее, чем я?

Его рука в перчатке катит зеленый пластиковый мусорный бак — и бронзовые мускулы играют.

В пятнадцать секунд мусорный бак перевернут и опорожнен; два аполлона снова вскакивают на подножку грохочущей машины, образуя что-то вроде паруса по бокам: одной рукой они держатся за поручень, и тело, как гипотенуза или тетива, отклоняется от прямой оси кузова.

— Bonjour! — наконец, отвечаю я.

На темном силуэте в контр-ажуре возникают две белые улыбки.

Может быть, если я буду писать и получать такие вежливые письма, однажды я буду держаться так же по-королевски?

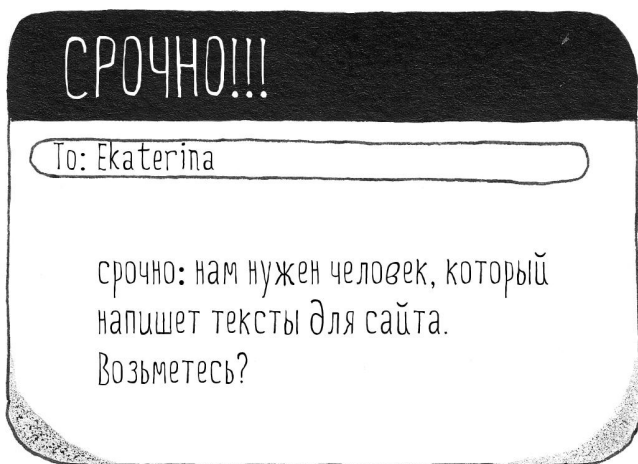
В компьютере у меня теперь есть десять шаблончиков самых вежливых писем от Мари Клод.

У вас одно новое письмо!

Я открываю почту: «предложение сотрудничества».

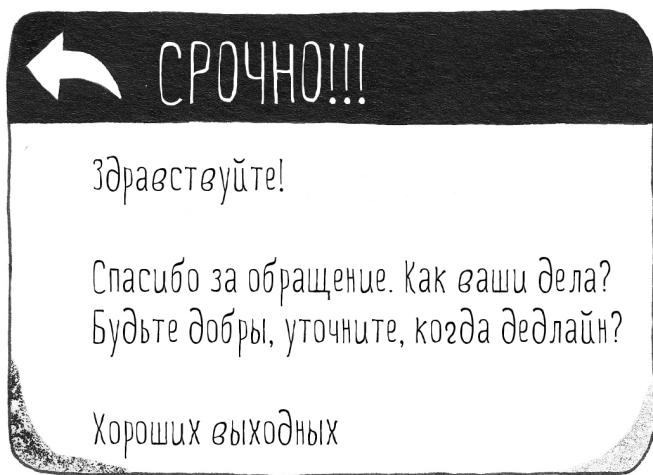
«С маленькой буквы... — замечает моя внутренняя Мари Клод, получившая прописку в моем мозге. — В субботу, — удивляется она. — Вечером? Как негритенок...»

Подожди, Мари, русскоязычная деловая переписка — не твоя вотчина. Давай вчитаемся.

Моя свеженькая, недавно установленная программа вежливости начинает сбоить. Вообще-то, — продолжает она говорить голосом Мари Клод, — во Франции можно подать в суд на босса, который тревожит вас в субботу, не уважая ваше право на отдых.

Кнопка западает, но нажимается. Я переключаюсь обратно, ре-адаптируюсь и убирая все лишние сердечные поклоны, чтобы написать, как принято у нас — просто и по делу:

«Ответ приходит моментально, хотя в Москве — на два часа позже. Он прям и конкретен:

«Вчера)))»